

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 26–33

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 26–33

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-26-33>

Научная статья
УДК 338.57.055.2

Специфика развития инфляционных процессов в современной российской экономике

П. С. Куклинова

Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45

Куклинова Полина Сергеевна, старший преподаватель кафедры экономической теории и корпоративного управления, kuklinova_ps@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3027-2165>

Аннотация. Введение. В современных условиях инфляция выступает актуальной проблемой российской экономики, занимающей ключевое место в экономической науке и экономической политике. Выявление специфики развития инфляционных процессов в современной российской экономике является значимым с точки зрения разработки эффективных мер антиинфляционного регулирования. **Теоретический анализ.** В статье уточняется содержание понятия «инфляция» как экономической категории. Разграничены понятия «подавленная инфляция» и «скрытая инфляция». Выявлено, что развитие инфляционных процессов в России имеет свою специфику, обусловленную особенностями социально-экономического развития страны. **Эмпирический анализ.** Проведено статистическое описание динамики инфляции в зависимости от фазы цикла. Осуществлен факторный анализ развития инфляционных процессов в стране. Проанализировано влияние инструментов монетарной политики, проводимой в рамках режима таргетирования инфляции, на ключевые макроэкономические показатели. **Результаты.** Выявлен контрциклический характер российской инфляции и смена роли преобладающих факторов ее развития. Продемонстрировано несоответствие антиинфляционной стратегии целям достижения устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: факторы инфляции, скрытая инфляция, подавленная инфляция, шринкфляция, даунсайзинг, эффект Балассы – Самуэльсона, умеренная инфляция, антиинфляционная стратегия

Для цитирования: Куклинова П. С. Специфика развития инфляционных процессов в современной российской экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 26–33. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-26-33>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The specifics of the inflationary processes development in modern Russian economy

P. S. Kuklinova

Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg 620144, Russia

Polina S. Kuklinova, kuklinova_ps@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3027-2165>

Abstract. Introduction. In modern conditions, inflation is a topical problem of Russian economy, which occupies a key place in economic science and economic policy. Identification of the inflationary processes development specifics in modern Russian economy is significant from the point of view of developing effective anti-inflationary regulation measures. **Theoretical analysis.** The article clarifies the content of inflation as an economic category. The concepts of «repressed inflation» and «hidden inflation» are distinguished. The study revealed that the development of inflationary processes in Russia has its own specifics, due to the peculiarities of the socio-economic development of the country. Empirical analysis. The statistical description of the inflation dynamics depending on the phase of the cycle has been carried out. The factorial analysis of the development of inflationary processes in the country has been carried out. The influence of the monetary policy instruments carried out within the framework of the inflation targeting regime on key macroeconomic indicators is analyzed. **Results.** The countercyclical nature of Russian inflation and the changing role of the prevailing factors of its development are revealed. The inconsistency of the anti-inflationary strategy with the goals of achieving sustainable economic growth is demonstrated.

Keywords: inflation factors, hidden inflation, suppressed inflation, shrinkflation, downsizing, Balassa – Samuelson effect, optimal inflation, anti-inflationary strategy

For citation: Kuklinova P. S. The specifics of the inflationary processes development in modern Russian economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 26–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-26-33>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема роста общего уровня цен актуальна как для национальной экономики в целом, так и для регионов страны в частности. Феномен инфляции остается острой проблемой национальной экономики, занимающей важное место в экономической науке и экономической политике.

В настоящее время задача достижения низкой инфляции выдвинута российскими властями в качестве приоритета экономической политики. Несмотря на то что проблема инфляции занимает первостепенное место в экономической науке и политике, вопрос сущности и содержания данной категории в современной научной и учебной литературе изучен недостаточно. При этом понимание сущности инфляции, ее типов, определяющих факторов и взаимозависимости с текущими экономическими условиями является необходимым условием разработки эффективной антиинфляционной политики.

Выявление определяющих развитие инфляции факторов позволит уточнить меры антиинфляционного регулирования с целью более эффективного воздействия на инфляционные процессы. Комплексное изучение проблем инфляции необходимо, поскольку стандартные методы и инструменты антиинфляционной политики, которые не учитывают особенностей социально-экономического развития страны, не способны решить проблемы диспропорционального развития для достижения ценовой стабильности в долгосрочной перспективе. Обеспечение стабильных низких темпов роста потребительских цен способствует созданию наиболее благоприятной среды для принятия инвестиционных решений и развивает рынок долгосрочных заемных средств, способствуя созданию условий для устойчивого роста российской экономики, что является особенно актуальным в настоящее время.

Теоретический анализ

Инфляция представляет собой многофакторное явление, поскольку развитие инфляционных процессов в стране обусловлено рядом факторов, зачастую действующих в противоположных направлениях и являющихся специфическими для анализируемой экономики страны и в рассматриваемый период времени. С этой точки зрения большую теоретическую и практическую значимость представляет детальный анализ факторов инфляции в современной российской экономике.

Сущность инфляции заключается в снижении покупательной способности денег, а ее формой проявления является повышение общего уровня цен [1]. Необходимость выявления специфики

развития инфляции в современной российской экономике обусловлена тем, что приведение инструментов антиинфляционной политики единым списком, вне связи с преобладающим типом инфляции и без учета сложившихся социально-экономических условий в стране является недопустимым. Дело в том, что в связи с разнонаправленностью определяющих развитие инфляционных процессов факторов меры борьбы с одним типом инфляции могут вызывать развитие другого ее типа. В зависимости от вызвавших повышение общего уровня цен факторов выделяют три типа инфляции: инфляцию спроса, издержек и внешнеэкономическую инфляцию [1, с. 43]. Таким образом, с целью совершенствования проводимой антиинфляционной политики необходимо выявление преобладающих в современной российской экономике факторов и типов инфляции. Данный анализ будет осуществлен в эмпирической части настоящего исследования.

С точки зрения выявления особенностей развития инфляции в современной российской экономике следует отметить появление специфических форм проявления инфляционных процессов. Так, в экономической науке начал встречаться новый термин – «шринкфляция» (от англ. *to shrink* – сокращаться и *inflation* – инфляция). Также используется идентичный по смыслу термин «даунсайзинг» (от англ. *downsizing* – сокращение размера). Шринкфляция предполагает снижение производителем количества, объема или веса товара в упаковке при сохранении отпускной цены.

Производители при шринкфляции также могут переходить от цен на вес к ценам на объем (или наоборот, в зависимости от плотности товара), создавая тем самым иллюзию неизменной цены на товар. Например, производители фасуют жидкие продукты питания не в литровые упаковки, а в пакеты или бутылки по 0,9 литра; указывают не объем, а вес, сыпучие продукты – по 900 граммов вместо килограмма. Данное явление затронуло и кондитерские изделия, крупы, алкогольную продукцию, кисломолочные продукты, бытовую химию и другие товары. Таким образом, при неизменной цене товара снижается его объем, и потребитель приобретет меньшее количество товара. В реальном выражении это означает, что потребители за тот же товар платят более высокую цену. Снижение объема или веса продукции в упаковке при неизменной цене товара является одной из форм проявления шринкфляции или даунсайзинга.

К скрытой инфляции также можно отнести актуальное в настоящее время снижение качества продукции за счет замены ингредиентов

на более низкокачественные и дешевые, ухудшение технологии производства, если цена на товар при этом остается неизменной.

По нашему мнению, целесообразно разграничить понятия «скрытая инфляция» и «подавленная инфляция», хотя в экономической научной и учебной литературе данные понятия отождествляются. Однако их нельзя считать синонимами. Подавленная инфляция подразумевает жесткий государственный контроль над товарными ценами. В этом случае при установлении государством цены ниже равновесной на рынке данного товара возникает дефицит. Подавленная инфляция может проявляться, прежде всего, в странах с плановой экономикой и сильным государственным регулированием. Скрытая же инфляция представляет собой процесс снижения производителем количества, объема, веса товара или ухудшение его качества при сохранении отпускной цены. Скрытая инфляция может проявляться как в командно-административной экономике, так и в рыночной. В современной российской экономике наряду с открытой инфляцией, которая проявляется в форме повышения общего уровня цен, наблюдаются признаки наличия скрытой инфляции.

С точки зрения повышения эффективности мер антиинфляционного регулирования важно определение того умеренного уровня инфляции, который будет способствовать созданию условий для стабильного экономического роста. При этом экономическая наука не представляет единство мнений относительно такого уровня инфляции. Так, наряду с мнением об оптимальности 20%-го уровня инфляции с позиции экономического роста [2, с. 42], встречается точка зрения о благоприятности низкого уровня инфляции [3, 4], стабильного уровня цен [5–7] или даже дефляции [8, 9]. Также поддерживается концепция оптимальности инфляции на уровне 4%, таргетируемом в настоящее время Банком России [10, 11]. По нашему мнению, для разных стран, в зависимости от сложившихся экономических условий и уровня их экономического развития, данный уровень инфляции будет отличаться. Поэтому без связи с экономикой конкретной страны и конкретным периодом времени определить уровень умеренной инфляции нельзя.

Различие в уровне умеренной инфляции для развитых и развивающихся стран в определенной степени можно объяснить эффектом Балассы – Самуэльсона [12, 13]. Данная модель предполагает деление экономики на два сектора: торгуемый и неторгуемый. Торгуемый сектор представляет собой сектор экономики, открытый для международной конкуренции, а для неторгуемого сектора

характерно ее отсутствие. В развивающихся странах рост производительности труда в торгуемом секторе обычно выше, чем в неторгуемом. Этому способствует наличие международной конкуренции. Поэтому торгуемый сектор привлекает больший объем инвестиций и характеризуется более быстрой модернизацией производства. Соответственно, повышение производительности в торгуемом секторе приводит к росту заработной платы в нем без повышения затрат. Поскольку в неторгуемом секторе отмечается абсолютная мобильность труда, производители вынуждены увеличивать заработную плату, чтобы избежать оттока рабочей силы. Однако данное повышение влечет за собой рост издержек производства и, как следствие, увеличение цен на производимую продукцию, приводящее к общему росту цен в национальной экономике.

Следовательно, развивающаяся экономика, растущая за счет повышения производительности, характеризуется повышением общего уровня цен, т.е. инфляцией. С этой точки зрения данный феномен будет характерен для экономики развивающихся стран. В развитых странах, где производительность уже достигла достаточно высокого уровня, темпы инфляции будут ниже. Таким образом, согласно эффекту Балассы – Самуэльсона, оптимальный уровень инфляции для развивающихся стран с учетом роста производительности должен быть выше, чем для развитых.

Поскольку Россия относится к категории развивающихся стран, порог умеренной инфляции должен быть выше, чем таргетируемый в настоящее время, и составлять, по нашей оценке, примерно 10%.

Эмпирический анализ

Анализируя динамику инфляционных процессов в России, можно отметить сильную зависимость от фазы цикла и текущей экономической обстановки в стране и мире: в кризисные периоды наблюдается повышение общего уровня цен. Так, в период мирового экономического кризиса 2008 г., инфляция в России составила 13,28%, увеличившись по сравнению с предшествующим 2007 г. на 1,41 п.п. [14]. Следующие пять лет инфляция была стабилизирована и держалась в пределах 10%. Однако начавшийся в 2014 г. в России валютный кризис вновь привел к двузначной инфляции в стране: по итогам года она составила 11,35%, а в 2015 г. выросла еще на 1,56 п.п. Положительная связь темпа инфляции и кризисных явлений в экономике наблюдалась и во время дефолта 1998 г., когда уровень инфляции достиг 84,43%, а индекс потребительских цен вырос на 73,4 п.п. по срав-

нению с 1997 г. В период современного кризиса, вызванного распространением коронавирусной инфекции, также отмечается повышение темпа инфляции даже несмотря на проводимую Банком России политику таргетирования инфляции. Уровень инфляции в 2020 г. не уложился в целевой показатель, достигнув практически 5% [14].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что уровень инфляции является контрциклическим показателем для российской экономики, а не проциклическим, как зачастую утверждается в некоторых источниках. Контрциклические показатели характеризуются снижением в период экономического роста и увеличением во время кризиса. Именно такая динамика характерна для уровня инфляции в России.

Важно учитывать, что вне связи с анализируемой экономикой страны нельзя отнести инфляцию к той или другой группе показателей. К примеру, для экономики ряда стран характерна обратная ситуация, когда в кризисные периоды наблюдается дезинфляция или даже дефляция. Так, в период финансового кризиса 2008 г. уровень инфляции в США существенно упал, достигнув практически нулевого значения. В кризисный период 2014 г. в Евросоюзе наблюдалась дефляция. В период современного кризиса 2020 г. дефляция была отмечена в Еврозоне.

Для детального анализа факторов, порождающих развитие инфляционных процессов в современной российской экономике, был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента линейной корреляции Пирсона, характеризующего степень линейной взаимосвязи между двумя выборками. Проведенные расчеты позволили установить тесноту статистической связи между индексом потребительских цен в стране и анализируемыми факторами на основе шкалы Чеддока. Для оценки корреляционной зависимости индекса потребительских цен и различных неценовых факторов были рассчитаны квартальные значения показателей, поскольку выявилось наличие временного лага во взаимосвязи темпа роста цен и динамики других показателей, обуславливающих развитие инфляции [15, с. 110]. Анализ проводился за одиннадцатилетний период – с 2010 по 2020 г.

Проведенные вычисления позволили выявить достаточно заметную зависимость уровня инфляционных процессов в России от индекса цен (тарифов) на грузовые перевозки железнодорожным транспортом: в целом по выборке коэффициент корреляции составил 0,58.

При этом коэффициент корреляции, рассчитанный до 2012 г., равен 0,78, что демонстрирует

уже высокую тесноту связи между исследуемыми показателями. Этот факт очень примечателен. Дело в том, что до 2012 г. повышение тарифов на продукцию естественных монополий традиционно происходило в январе, т.е. в первом квартале. Наиболее высокое значение индекса потребительских цен в стране наблюдалось также в первом квартале.

С 2012 г. повышение тарифов на продукцию естественных монополий было перенесено на июль, однако грузоперевозок железнодорожным транспортом это не коснулось: рост тарифов продолжился в январе. Этим объясняется снижение тесноты связи между индексом цен (тарифов) на грузоперевозки железнодорожным транспортом и индексом потребительских цен в Российской Федерации.

Аналогичным образом была выявлена взаимосвязь индекса потребительских цен и индексов тарифов в производстве, передаче и распределении электроэнергии. За весь исследуемый период, с 2010 по 2020 г., коэффициент корреляции не показал заметной связи между анализируемыми показателями: его величина составила лишь 0,19.

Однако, как было отмечено выше, в определенной степени это можно объяснить переносом периода индексации цен и тарифов на продукцию естественных монополий с января на июль с 2012 г. Действительно, до 2012 г., вслед за повышением тарифов естественных монополий в январе индекс цен в производстве, передаче и распределении электроэнергии увеличивался (показывал наибольшее значение) в феврале, т.е. в первом квартале. Поэтому в целях исследования нами были выбраны именно квартальные показатели. Это позволяет исключить их запаздывающее влияние на анализируемые переменные. Рассчитанный по 2012 г. коэффициент корреляции между индексом потребительских цен и индексом цен в производстве, передаче и распределении электроэнергии продемонстрировал уже высокую взаимосвязь между показателями, составив 0,79. Проведенный анализ позволяет констатировать, что до 2012 г. в формировании инфляционных процессов в стране доминирующее влияние оказывали факторы инфляции издержек, и прежде всего цены на продукцию естественных монополий, представленные в национальной экономике в большом количестве, в том числе и на рынке жилищно-коммунальных услуг.

При этом индексы цен и тарифов на продукцию естественных монополий, как правило, опережали потребительскую инфляцию (рисунок, сост. по: [14]).

Динамика индексов цен приобретения продукции естественных монополий и индекса потребительских цен на товары и услуги в Российской Федерации, в % к декабрю предыдущего года (цвет online)

Figure. Dynamics of the indices of purchase prices of products of natural monopolies and the consumer price index for goods and services in the Russian Federation, % compared to December of the previous year (color online)

За исследуемый период был рассчитан коэффициент корреляции индекса потребительских цен и индексов тарифов на жилищно-коммунальные услуги на основе квартальных показателей. За период по 2012 г. его величина составила 0,73, что отражает высокую связь исследуемых показателей.

С 2012 г. повышение тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства было перенесено с января на июль, как самый безынфляционный месяц, т. е. на третий квартал. В итоге самое высокое значение индекса потребительских цен в стране наблюдалось также именно в третьем квартале.

Однако в дальнейшем такая зависимость снижается: коэффициент корреляции анализируемых показателей, рассчитанный за весь период с 2010 по 2020 г., по Российской Федерации составил 0,20, что характеризует слабую тесноту связи. Невысокое значение данных коэффициентов показывает, что происходит смена преобладающей роли факторов в формировании потребительской инфляции. Действительно, как было отмечено ранее, инфляцию в России отличают ее ярко выраженный контрциклический характер и зависимость от курса валют. Для подтверждения этой взаимосвязи был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента линейной корреляции Пирсона.

Для этого на основе квартальной динамики среднего номинального курса доллара США был рассчитан темп прироста данного показателя и определен индекс иностранной валюты по отношению к рублю за период с 2010 по 2020 г. На

основе полученного показателя и квартальной динамики индексов потребительских цен по Российской Федерации был рассчитан коэффициент корреляции, показавший заметную связь между исследуемыми показателями: за анализируемый период значение коэффициента по стране в целом составило 0,6.

За период с 2014 по 2020 г., характеризующийся переходом к режиму инфляционного таргетирования и свободному курсу национальной валюты, взаимосвязь исследуемых показателей усилилась: значение коэффициента корреляции по стране составило 0,73, что отражает высокую силу связи между анализируемыми данными. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в развитии современных инфляционных процессов преобладающую роль начинают играть внешнеэкономические факторы инфляции.

Для оценки влияния фактора монетарного характера на развитие инфляционных процессов в стране и ее регионах была исследована взаимосвязь динамики индексов потребительских цен и денежной массы в экономике. На основе информации об объеме, структуре и динамике денежного агрегата М2 был рассчитан квартальный индекс прироста денежной массы в Российской Федерации за период с 2010 по 2020 г. На основе динамики полученного индекса и квартальных индексов потребительских цен был рассчитан коэффициент корреляции, который показал отсутствие заметной связи между исследуемыми показателями: его значение составило -0,17. Более того, данная связь является обратной.

Проведенный анализ демонстрирует слабую обратную зависимость инфляции в России от динамики денежной массы, заметную роль факторов немонетарного характера и смену преобладающей роли в формировании инфляции в стране в пользу внешнеэкономической инфляции.

Это важно учитывать при разработке антиинфляционной политики. В Российской Федерации проведение антиинфляционной политики осуществляет Банк России, воздействуя преимущественно на инфляцию спроса и ее монетарные факторы. Однако проведенный нами анализ показал слабое обратное влияние ключевого монетарного фактора на развитие инфляции в России.

В настоящее время Банк России осуществляет денежно-кредитную политику в рамках

таргетирования инфляции, оперируя изменением ключевой ставки с целью удержания инфляции в рамках 4% [11]. В теоретической части данного исследования с позиции модели Балассы – Самуэльсона было продемонстрировано, что целевой уровень инфляции для развивающихся стран должен быть выше, чем для развитых. В 2015 г. Банк России объявил о завершении многолетнего перехода к режиму инфляционного таргетирования. Проведение рестриктивной монетарной политики способствовало снижению индекса потребительских цен и удержанию инфляции в определенных низких границах. Действительно, уровень инфляции в 2016 г. сократился более чем в два раза и показал более низкие значения в последующие периоды (таблица).

Индекс потребительских цен в России, декабрь к декабрю предыдущего года, %

Table. Consumer price index in Russia, December to December of the previous year, %

2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
113,28	108,80	108,78	106,10	106,57	106,47	111,35	112,91	105,39	102,51	104,26	103,04	104,91

Рассчитано по: [14].

Однако важно понимать, что борьба с инфляцией не должна выступать самоцелью проводимой политики. При осуществлении фискальной и денежно-кредитной политики, направленной в том числе на регулирование инфляции, в первую очередь, необходимо ориентироваться на обеспечение условий для стабильного социально-экономического развития, повышения инвестиционных расходов и роста совокупного объема выпуска.

Соответственно, при осуществлении антиинфляционной политики необходимо ориентироваться не на удержание инфляции в рамках определенного низкого уровня, а на поддержание такого ее уровня, который обеспечит возможность экономического роста и стабильного социально-экономического развития страны.

В частности, высокий уровень инфляции в начале 2000-х гг. был отмечен на фоне высоких темпов роста инвестиций в основной капитал и реального валового внутреннего продукта. Например, в 2000 г. при инфляции в 20,2% инвестиции в основной капитал в сопоставимых ценах в стране выросли более чем на 17%, а прирост реального ВВП составил 10%. Кроме того, темпы инфляции, вопреки монетаристской теории, ежегодно снижались, несмотря на повышение совокупного спроса: отмечались высокие темпы прироста инвестиций в основной капитал и реальных доходов населения, относительно высокие темпы роста денежной массы. При уста-

новлении низкой инфляции с 2016 г. в России темпы прироста инвестиций стали существенно ниже, а зачастую и отрицательными. Средний темп прироста инвестиций в основной капитал за последние пять лет (с 2016 по 2020 г.) составил лишь 2%. При этом средний темп прироста валового внутреннего продукта страны за этот период составил менее 1%. Таким образом, введение режима инфляционного таргетирования способствовало существенному снижению инфляции, но используемые для этого инструменты негативно сказались на других ключевых макроэкономических показателях.

Результаты

В результате проведенного исследования выявлен ярко выраженный контрциклический характер российской инфляции, проявляющийся в сильной зависимости ее уровня от фазы цикла и текущей экономической обстановки в стране и мире: в кризисные периоды уровень инфляции в российской экономике растет и снижается во время стабилизации, что не всегда характерно для других стран. В современной российской экономике наряду с открытой инфляцией, которая проявляется в форме повышения общего уровня цен, наблюдаются признаки наличия скрытой инфляции, характеризующейся снижением производителем количества, объема, веса товара или ухудшением его качества при сохранении отпускной цены.

С позиции модели Балассы – Самуэльсона продемонстрировано, что, поскольку современная российская экономика носит развивающийся характер, уровень инфляции, обеспечивающий условия для стабильного экономического роста в стране, должен быть выше, чем таргетируемый в настоящее время, и составлять около 10%.

В результате проведенного факторного анализа были обнаружены: заметная роль факторов немонетарного характера в формировании инфляции в стране и ее регионах; слабая обратная зависимость уровня инфляции от динамики денежной массы в стране; смена преобладающей роли в формировании современной инфляции в пользу внешнеэкономических факторов.

Проводимый в настоящее время режим таргетирования инфляции показал свою эффективность с точки зрения снижения официального уровня инфляции и удержания его в определенных низких границах. Однако применяемые для этой цели методы дестимулируют экономический рост страны за счет создания условий, препятствующих повышению деловой активности.

Список литературы

1. *Ильяшенко В. В.* Методология анализа инфляции в курсе экономической теории // Журнал экономической теории. 2013. № 3. С. 38–47.
2. *Курганский С. А.* Инфляция в России : факторы и тенденции // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 2. С. 40–54.
3. *Adam K., Weber H.* Optimal trend inflation // *American Economic Review*, 2019. Vol. 109, № 2. P. 702–737. <https://doi.org/10.1257/aer.20171066>
4. *Billi R. M., Kahn G. A.* What is the optimal inflation rate? // *Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review*. 2008. Vol. 93, № 2. P. 5–28.
5. *Coibion O., Gorodnichenko Y., Wieland J.* The optimal inflation rate in New Keynesian models: Should central banks raise their inflation targets in light of the zero lower bound? // *The Review of Economic Studies*. 2012. Vol. 79, iss 4. P. 1371–1406. <https://doi.org/10.1093/restud/rds013>
6. *Billi R. M.* Optimal inflation for the US economy // *American Economic Journal : Macroeconomics*. 2011. Vol. 3, № 3. P. 29–52. <https://doi.org/10.1257/mac.3.3.29>
7. *Lucas R. E.* Inflation and welfare // *Monetary Theory as a Basis for Monetary Policy*. 2001. № 68. P. 96–142. https://doi.org/10.1007/978-1-4039-3961-6_4
8. *Oikawa K., Ueda K.* The optimal inflation rate under Schumpeterian growth // *Journal of Monetary Economics*. 2018. № 100. P. 114–125. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.07.012>
9. *Amano R., Moran K., Murchison S., Rennison A.* Trend inflation, wage and price rigidities, and productivity growth // *Journal of Monetary Economics*, 2009. Vol. 56, iss. 3. P. 353–364. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2009.03.001>
10. *Дробышевский С. М., Трунин П. В., Синельникова-Мурылева Е. В., Макеева Н. В., Гребенкина А. М.* Оптимальная инфляция в России : теория и практика // *Экономическая политика*. 2020. Т. 15, № 4. С. 8–29.
11. *Центральный банк Российской Федерации* : [сайт]. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 27.10.2021).
12. *Balassa B.* The purchasing-power parity doctrine: A reappraisal // *Journal of Political Economy*. 1964. Vol. 72, № 6. P. 584–596.
13. *Samuelson P. A.* Theoretical notes on trade problems // *The Review of Economics and Statistics*. 1964. Vol. 46, № 2. P. 145–154.
14. *Федеральная служба государственной статистики* : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 27.10.2021).
15. *Ильяшенко В. В.* Макроэкономические и микроэкономические аспекты инфляции в трансформируемой экономике России. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2006. 207 с.

References

1. *Il'yashenko V. V.* Methodology of inflation analysis in the course of economic theory. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2013, no. 3, pp. 38–47 (in Russian).
2. *Kurganskij S. A.* Inflation in Russia: Factors and trends. *Bulletin of Baikal State University*, 2012, no. 2, pp. 40–54 (in Russian).
3. *Adam K., Weber H.* Optimal trend inflation. *American Economic Review*, 2019, vol. 109, no. 2, pp. 702–737. <https://doi.org/10.1257/aer.20171066>
4. *Billi R. M., Kahn G. A.* What is the optimal inflation rate? *Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review*, 2008, vol. 93, no. 2, pp. 5–28.
5. *Coibion O., Gorodnichenko Y., Wieland J.* The optimal inflation rate in New Keynesian models: Should central banks raise their inflation targets in light of the zero lower bound? *The Review of Economic Studies*, 2012, vol. 79, iss. 4, pp. 1371–1406. <https://doi.org/10.1093/restud/rds013>
6. *Billi R. M.* Optimal inflation for the US economy. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2011, vol. 3, no. 3, pp. 29–52. <https://doi.org/10.1257/mac.3.3.29>
7. *Lucas R. E.* Inflation and welfare. *Monetary Theory as a Basis for Monetary Policy*, 2001, no. 68, pp. 96–142. https://doi.org/10.1007/978-1-4039-3961-6_4
8. *Oikawa K., Ueda K.* The optimal inflation rate under Schumpeterian growth. *Journal of Monetary Economics*, 2018, no. 100, pp. 114–125. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.07.012>

9. Amano R., Moran K., Murchison S., Rennison A. Trend inflation, wage and price rigidities, and productivity growth. *Journal of Monetary Economics*, 2009, vol. 56, iss. 3, pp. 353–364. <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2009.03.001>
10. Drobyshevskij S. M., Trunin P. V., Sinel'nikova-Mury`leva E. V., Makeeva N. V., Grebenkina A. M. Optimal inflation in Russia: Theory and practice. *Ekonomicheskaya Politika* [Economic Policy], 2020, vol. 15, no. 4, pp. 8–29 (in Russian).
11. *Tsentral`nyi bank Rossijskoi Federatsii* (Central Bank of the Russian Federation. Site). Available at: <https://cbr.ru> (accessed 27 October 2021) (in Russian).
12. Balassa B. The purchasing-power parity doctrine: A reappraisal. *Journal of Political Economy*, 1964, vol. 72, no. 6, pp. 584–596.
13. Samuelson P. A. Theoretical notes on trade problems. *The Review of Economics and Statistics*, 1964, vol. 46, no. 2, pp. 145–154.
14. *Federal`naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: <https://rosstat.gov.ru> (accessed 27 October 2021) (in Russian).
15. Il'yashenko V. V. *Makroekonomicheskie i mikroekonomicheskie aspekty inflitsii v transformiruemoi ekonomike Rossii* [Macroeconomic and Microeconomic Aspects of inflation in the Transformed Economy of Russia]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2006. 207 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 27.11.2021; принята к публикации 01.12.2021

The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 27.11.2021; accepted for publication 01.12.2021